

ДУХ ИЛИ ДЕТАЛЬ

О гастролях Санкт-Петербургского балета Эйфмана в Нью-Йорке

Независимая
1085-1999-
6 февр.-с.7
театр

Нина Хрущева

КАК И ВСЕ гастроль рус-ских в Америке, Балет Эйфмана получил прекрасные рецензии. Эйфман действительно произвел впечатление. О его прошлогодних апрельских гастролях главный театральный критик «Нью-Йорк таймс» Анна Киссельгоф написала: «Балетному миру незачем больше мучаться в поисках выдающегося хореографа. Он найден. Это Борис Эйфман». «Чайковский» и «Красная Жизель», привезенные театром в прошлом году, произвели на избалованную нью-йоркскую публику впечатление.

Все, что составляет основную ценность русской культуры — высокие философские обобщения, внимание к эмоциональным проблемам, а не к формальному сюжету, когда, по выражению самого Бориса Эйфмана, «информация сначала проходит через сердце и только потом доходит до головы», — было мастерски представлено на сцене Сити Сентер балетом из Петербурга.

Кроме того, тот факт, что трагедия Чайковского («Чайковский») заключается в драматичной для композитора невозможности быть самим собой, сексуально и эмоционально, а Спесивцевой («Красная Жизель») — в невозможности примириться с потерей прекрасного балетного мира, разрушенного красным террором, сделали гастроль Эйфмана еще более успешными. Американцы — нация идеологизированная, и сегодня эти темы здесь очень «politically correct» (политически правильно).

Таким образом, благодаря таланту и «правильному» репертуару балет из Санкт-Петербурга произвел впечатление, и его возвращение ждали с нетерпением. Когда несколько месяцев назад в «Нью-Йорк таймс» появилось объявление о январских гастролях, театральные балетоманы, все интересующиеся Россией и сами русские, живущие в окрестностях Нью-Йорка, были в восторге. Борис Эйфман, в свою очередь, окрыленный прошлогодним успехом, помимо «Чайковского» и «Красной Жизели», привез в Сити Сентер два других балета, «Карамазовы» и «Реквием/Мой Иерусалим».

Казалось бы, выбор безупречный. «Братья Карамазовы» любимый роман даже тех иностранцев, которые никогда не читали не

только его, но и Достоевского вообще; «Мой Иерусалим», исходящий из России, не может не интриговать как насыщенных о русском антисемитизме американцев, так и когда-то бежавших от этого антисемитизма эмигрантов. Но вот тут-то и оказывается, что даже популярная тема не всегда может покрыть недостаток в различном понимании культурных ценностей.

«Карамазовы», куда по русской традиции Эйфман постарался вместить как можно больше романного Достоевского, снабженного богатством собственных интерпретаций, оказались слишком насыщенными для западного зрителя. «Он и эпилепсию ухитрился показать в балете», недовольно пожаловалась по-английски сидящая рядом со мной женщина — являясь балетоманка, воспитанная на однолинейных сюжетах и безупречной хореографии АБТ (American Ballet Theater). Даже русская по происхождению уже упомянутая мной Анна Киссельгоф о гастролях этого года отзывалась с меньшим энтузиазмом: «Если многие мюзиклы на Бродвее обычно страдают от проблем во втором акте, проблемы господина Эйфмана — в первом акте... Господин Эйфман, очевидно, ищет новых выражений, чтобы отойти от классических идиом, но именно его воображение и рискованное использование балетного словаря производят такое сильное впечатление в «Чайковском» и «Красной Жизели». Странно, что он не использует эту идиому в «Карамазовых» и взамен употребляет движения слишком простые, чтобы выразить высокую драматическую цель... В конце концов нужно помнить, что мы все-таки смотрим балет, а не читаем роман». («Нью-Йорк таймс», 21 января 1999 г.)

Может быть, критик и права насчет Достоевского с точки зрения американской классики. Мне же, как русскому зрителю, как раз эпилепсия показалась абсолютно необходимой. Но в одном я с Анной Киссельгоф согласна — при всей замечательной театральности, драматичности и высококлассной постановке, при талантливейшей сосредоточенности Эйфмана на основном — философской теме — его балетный словарь слишком прост и однообразен. Как и всякому представителю русской культурной традиции, ему важны дух, идея, выпитые широкими мазками, а не деталь, хоть и идеально выверен-

ная, но не оставляющая места для полета мысли.

В этом Борис Эйфман напомнил мне Юрия Любимова. Любимов создал новую для того времени форму театрального искусства, в котором революционное (в смысле новое) содержание требовало нестандартной формы, отводя сюжету и актерскому профессионализму второстепенную роль. Эйфман то же самое сделал в балете. Проблема только в том, что балет не драматический театр, и здесь мастерство танцора труднее заменить талантом постановщика. Идея двух Чайковских, реального и двойника, замечательна, но она, к сожалению, не объясняет, почему Альберт Галичанин (реальный Петр Ильич) два часа просто ходит по сцене, а Елена Кузьмина («Красная Жизель»), поставленная перед необходимостью быть не просто загадочной балериной, но и классической Жизелью, в роли Жизели не всегда отвечает высоким классическим канонам.

Отсутствием внимания балетмейстера к деталям и формальным инновациям, невозможностью пересказать неочевидное содержание (особенно «Реквием» и «Моего Иерусалима»), навсрное, и объясняется еще одна интересная особенность этих гастрелей — несмотря на внимание прессы, американских зрителей в переполненном зале было немного.

«Загадочная русская душа» с ее философскими драмами восхищает и привлекает рациональных западников в принципе, но среди них не много тех, кто по-настоящему понимает, что дух на самом деле важнее детали. На русском же зрителя (включая меня), разделяющего мысль о преимуществе идеи перед фактом, «Реквием», обойденный вниманием критики именно в силу своей бессюжетности, произвел, пожалуй, самое сильное впечатление. Чередувание в танце черных и белых фигур на фоне бессмертной музыки создало неземную, возвышенно-драматическую атмосферу.

И в заключение. Несмотря на несущественные разногласия в восприятии и оценках, Балет Эйфмана из Санкт-Петербурга в любой стране обречен на успех, потому что, пожалуй, самое главное его качество — это то, что любой зритель, независимо от культуры, страны, образования, всегда найдет хотя бы одно понятное ему движение, близкую тему, любимую музыку или знакомую идею. ■

Нью-Йорк